

2 CIVIL LAW, CIVIL PROCESS АЗАМАТТЫҚ ҚҰҚЫҚ, АЗАМАТТЫҚ ҮРДІС ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

МРНТИ 10.81.35
УДК 343.851.5
JEL K 14

<https://doi.org/10.46914/2959-4197-2024-1-3-26-33>

КАРЫМСАКОВА Р.Д.,*¹
к.ф.н., ассоциированный профессор.
*e-mail: rakhilya.11@mail.ru
ORCID ID: 0009-0000-9591-7529
¹Университет «Туран»,
г. Алматы, Казахстан

ОСКОРБЛЕНИЕ КАК ГОЛОВНАЯ БОЛЬ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация

В статье рассматривается такая актуальная проблема лингвоэкспертологии, как экспертная оценка оскорбления как речевого правонарушения, которая заключается прежде всего в отсутствии в экспертной практике единообразия методических подходов к решению экспертных задач. Называются причины такого состояния дел, указываются такие проблемы конца 90-х – начала 2000-х гг., как отсутствие понятийного и терминологического аппарата лингвоэкспертизы, единой терминологии, принятой среди лингвистов; отсутствие у лингвистов единых принципов, методов и приемов проведения экспертизы и др. В исследовании раскрывается проблемный характер оценки неприличности речевого акта как деяния, при котором не учитывается такой важный фактор, как различие людьми широкого (обыденного) и узкого (юридического) понятия оскорбления. Игнорирование этого явления, использование ошибочных исследовательских подходов ведут к противоречивой экспертной и судебной практике и в итоге – к необоснованным и несправедливым приговорам. Исходя из указанной проблемы, говорится о необходимости скорейшей разработки соответствующей методики для решения экспертных задач по делам об оскорблении.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, оскорбление, унижение, речевое правонарушение, неприличная форма выражения.

Введение

Оскорбление как речевое действие имеет различное толкование в обыденном и правовом сознании, что создает определенные сложности в квалификации правовой нормы «оскорбление» и экспертной оценки оскорбления. Экспертная оценка оскорбления как речевого правонарушения и в Казахстане, и в России является одной из актуальных проблем лингвистической экспертологии. Так, на сегодняшний день не существует единого общепринятого подхода, которым могли бы руководствоваться специалисты при лингвистическом исследовании спорного материала, и давно уже стали реальностью взаимоисключающие экспертные заключения (или заключения специалистов) относительно одного и того же высказывания (текста, слова). Отсутствие в экспертной практике единообразия методических подходов к решению экспертных

задач оставляет нерешенной проблему экспертной оценки оскорбления. И каждая новая ситуация оскорбления вызывает новые вопросы и выявляет новые нерешенные проблемы. Возникает вопрос о причинах такого положения дел. Коротко укажем лишь на некоторые из них как на факторы развития и современного состояния судебной лингвистической экспертизы в обеих странах.

Как известно, в советский период истории двух стран дела по речевым правонарушениям, а именно оскорблению, клевете, защите чести, достоинства, деловой репутации и другим, рассматривались крайне редко. Распад Союза, либерализация и демократизация общества дали людям, с одной стороны, новое осознание свободы выражения мнения, с другой – осознание права на защиту своих личных нематериальных благ (честь, достоинства, деловой репутации). Результатом стала лавина растущих с конца 90-х годов жалоб как по оскорблению и клевете, так и диффамационных исков. При этом государственные экспертные учреждения обеих стран оказались во многом не готовы решать те задачи, которые перед ними экстренно ставили практические работники.

Это отмечали в те годы многие специалисты-лингвисты. Так, в 2002 г. в своей публикации О.Н. Матвеева, член авторитетной российской Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС), писала: «Сегодняшнее состояние юрислингвистической экспертной деятельности позволяет констатировать факт, что к возможности совершения правонарушений с помощью языка оказались не готовы ни классическая юриспруденция, ни тем более классическая лингвистика. Законодатель, обозначив целый ряд преимущественно языковых правонарушений (оскорбление, клевета, распространение порочащих честь, достоинство и деловую репутацию сведений, публичные призывы к изменению конституционного строя и пр.), не продумал механизм реализации законов о такого рода правонарушениях» [1].

В своей статье О.Н. Матвеева отмечает ряд проблем лингвистического экспертного исследования, среди которых выделим следующие: отсутствие понятийного и терминологического аппарата лингвоэкспертизы, единой терминологии, принятой среди лингвистов; отсутствие у лингвистов единых принципов, методов и приемов проведения экспертизы и др. Аналогичная ситуация наблюдалась и у казахстанской филологической экспертизы.

О тех же проблемах конца 90-х – начала 2000-х гг. говорит в своей публикации 2008 г. доктор юридических и доктор филологических наук, профессор, зам. зав. кафедрой судебных экспертиз МГЮА Галяшина Е.И. Она пишет: «Конечно, становление судебной лингвистической экспертизы в России шло непросто. Государственные экспертные учреждения оказались не готовы ни методически, ни организационно к решению сложных речеведческих задач, которые практика стала ставить перед экспертами-лингвистами» [2].

Как видим, одной из главных проблем на то время было отсутствие экспертных методик исследований материалов по делам, связанным с речевыми правонарушениями. Как выходили из такой, по сути, патовой ситуации? Е.И. Галяшина пишет: «...основная масса экспертиз изначально поручалась негосударственным экспертам, филологам, русистам, преподавателям филологических факультетов вузов, учителям русского языка» [2]. Кроме сотрудников экспертных учреждений, к специальным научным исследованиям привлекались ученые-лингвисты. Так, в 1997 г. (переиздана в 2004 г.) под эгидой российского Фонда защиты гласности была выпущена брошюра [3], авторами которой стали известные российские ученые-лингвисты.

Материалы и методы

Предложенный авторами указанной книги подход к рассмотрению дел об оскорблении являлся в экспертной практике одним из первых и широко распространенных. В соответствии с указанным подходом негативные оценочные высказывания могут являться оскорбительными при соблюдении ряда условий: если они адресованы конкретному лицу, дают обобщенную оценку ему как личности и выражены в неприличной форме. Единство этих трех лингвистических признаков (устанавливается экспертом-лингвистом) + наличие умысла на оскорбление (устанавливается судом) позволяет признать суду спорное высказывание оскорблением.

Авторами указанной выше книги были определены и основные категории лексических и фразеологических единиц, которые в определенных контекстах употребления могут носить в

адресации к тому или иному лицу оскорбительный для лица характер. Это следующие разряды оскорбительной (инвективной) лексики и фразеологии: ругательная нелитературная лексика, чаще всего взятая из жаргонов и диалектов, обценная лексика (мат), грубопросторечная (ненормативная) лексика.

Кроме того, в классификацию инвективных (оскорбительных) средств языка были включены следующие разряды литературной и разговорной лексики: 1. Слова и выражения, с самого начала обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность: бандит, жулик, мошенник. 2. Слова с ярко выраженной негативной окраской, составляющей основной смысл их употребления: двурушник, расист, враг народа. 3. Названия профессий, употребляемые в переносном значении: палач, мясник. 4. Зоосемантические метафоры, отсылающие к названиям животных: кобель, кобыла, свинья. 5. Глаголы с «осуждающей» семантикой или даже с прямой негативной оценкой: украсть, хапнуть. 6. Слова, содержащие в своем значении негативную, причем весьма экспрессивную оценку чьей-либо личности: дурак, гадина, гнусный. 7. Эвфемизмы для слов 1-го разряда, сохраняющие их оценочный (резко негативный) характер: женщина легкого поведения, путана, интердевочка. 8. Окказиональные (специально создаваемые) каламбурные образования, направленные на унижение или оскорбление адресата: коммуны, дерьмократы, прихватизация [3].

Указанные 8 разрядов литературной и разговорной лексики включают значительную часть арсенала нормативной негативно-оценочной лексики русского языка, а также риторические средства выражения (метафоры), стилистические приемы (эвфемизмы, окказионализмы). Этой лексике авторы указанной классификации приписывают качество быть средством криминального оскорбления и, следовательно, иметь неприличную форму выражения, что не поддается научному осмыслению проблемы оскорбления в теоретической и прикладной лингвистике (в частности, лингвоэкспертологии). Трудно, например, понять, почему неприличными (то есть оскорбительными) признаются все негативно-оценочные эвфемизмы, если основной функцией эвфемизмов является смягчение грубых, непристойных или не соответствующих стилиевой установке текста слов. «Выбор эвфемизма – это маркер демонстрации нейтрального отношения, нежелания унижить, обидеть...» [4].

Указанная классификация была положена в основу экспертной методики тех и последующих лет. Вот что пишет о последствиях такого экспертного подхода член ГЛЭДИС О.Н. Матвеева в 2013 г.: «Это, пожалуй, самая трагичная и противоречивая страница в лингвистической экспертизе, надо признаться, в какой-то мере скомпрометировавшая саму эту экспертизу. Такой противоречивой экспертной и судебной практики, наверное, нет ни по одной категории дел. <...> С чем же связана противоречивость экспертной и судебной практики по данной категории дел? Свою роль в этом сыграли несколько обстоятельств, находящихся на пересечении юриспруденции, лингвистики и обыденного сознания.

Диспозиция статьи определяет оскорбление как унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме. Толкование данной нормы закона свидетельствует о том, что унижение чести и достоинства возможно и средствами, не имеющими неприличную форму. Неприличную форму имеют нецензурные высказывания. Это означает, что ни слова литературного языка, даже имеющие резко негативную семантику, ни сниженные разговорные слова не имеют неприличной формы.

Результаты и обсуждение

Проблемы, которые возникают на практике с квалификацией высказываний по статье «Оскорбление», связаны с неразличением бытового и юридического понимания оскорбления, с неразличением обиды и оскорбления. Оскорбление в обыденном понимании гораздо шире, чем в юридическом. Для юридической квалификации высказывания как оскорбительного необходимо признаком является неприличная форма, а в обыденном понимании к оскорблению относят любые слова с негативной семантикой. Фраза «Сударь, Вы – подлец» – пример классического оскорбления, однако неприличная форма здесь отсутствует, поэтому в юридическом смысле квалифицировать это как оскорбление невозможно.

Противоречивой практике по делам об оскорблении способствуют эксперты с недостаточной компетенцией, которые отождествляют любую инвективу, то есть высказывание, содержащее резко негативную характеристику лица, с высказыванием, имеющим неприличную форму. Таким образом, достаточно часто встречаются экспертные ошибки по этой категории дел. Все слова, входящие в класс инвектив, квалифицируются такими экспертами как имеющие неприличную форму, т.е. отождествляется, по сути, любое негативное суждение в адрес конкретного лица и оскорбление, имеющее неприличную форму.

Приведу пару примеров, когда оскорбление в неприличной форме было подменено обычным понятием оскорбления. Несколько лет назад московский суд признал слово «вор» в газетной статье в отношении одного из министров оскорбительным. Соответственно, обязательным его признаком в этом случае является неприличная форма, однако с лингвистической точки зрения неприличной формы данное слово не имеет, оно вполне нормативно и входит во все словари литературного языка. То есть министру нужно было защищать свою честь в порядке, предусмотренном статьей 152 ГК РФ или в то время 129 УК РФ (в 2011 г. «Клевета» (ст. 129 УК РФ) и «Оскорбление» (ст. 130 УК РФ) были декриминализованы и включены в КоАП РФ, но позже «Клевета» была возвращена в УК РФ). Один из журналистов тогда справедливо и едко заметил, что наш суд придумал новое неприличное слово из трех букв.

Другой пример. В Барнауле имело место громкое дело, когда работники милиции написали заявление по ст. 130 УК РФ в отношении соседки-пенсионерки, которая повесила им на входную дверь записку: «Менты, вы когда пол на площадке мыть будете?». Для квалификации данного речевого акта по статье «Оскорбление» необходимо наличие неприличной формы, каковая в приведенном высказывании отсутствует. Слово «менты» не является нормативным, относясь к жаргонной лексике, однако неприличной формы не имеет [5].

Таким образом, проблемный характер оценки неприличности речевого акта как деяния заключается прежде всего в том, что при широко распространенном в конце 90-х – начале 2000-х гг. экспертном подходе, принятом на вооружение казахстанскими экспертами, не учитывается такой важный фактор, как неразличение людьми широкого (обыденного) и узкого (юридического) понятия оскорбления. Игнорирование этого явления ведет к неверной трактовке наличия неприличной формы у высказываний с негативно-оценочными номинациями лица, выраженными литературной и разговорной лексикой и фразеологией. Литературная и разговорная лексика и фразеология образуют нормативный пласт лексико-фразеологической системы языка, употребление которого соответствует принятым в обществе нормам литературной и разговорной речи. «Такое словоупотребление с морально-этической точки зрения воспринимается общественным сознанием как приличное, а способ языкового выражения соответствующей информации при помощи приличной лексики может быть назван приличным. Таким образом, приличная лексика, приличная языковая форма выражения мысли – это использование нормативной (приличной) лексики и фразеологии» [6]. Ошибочно, например, слова «вор» и «мошенник» определять как неприличные слова. Однако в феврале 2021 г. приговором Бостандыкского районного суда г. Алматы по делу об оскорблении оскорбительными и, соответственно, неприличными были признаны слова «вор» и «мошенник», высказанные в социальной сети в комментариях к посту в адрес ректора одного из вузов Алматы (в основе приговора лежало заключение члена Палаты судебных экспертов РК). Во-первых, в этих словах отсутствует обобщенная негативная оценка лица, а человеку приписываются осуждаемые общественной моралью и противоречащие закону действия (вор – человек, который ворует; мошенник – человек, который занимается мошенничеством). То есть эти слова в контексте их употребления несут конкретную информацию о нарушении лицом как правовых, так и моральных норм и могут стать предметом судебного разбирательства по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации лица (ст. 143 ГК РК).

Во-вторых, у этих слов не выявляются признаки неприличной языковой формы, поскольку оба слова по стилю, по этическому критерию относятся к литературной (нормативной) лексике, допустимой в любой ситуации, в любом месте.

Таким образом, наблюдаемое произвольное расширительное толкование правовой нормы (ст. 131 УК РК) приводит к настолько же произвольным судебным приговорам по делам об

оскорблении. Более того: рассмотренный выше ошибочный экспертный подход, десятилетиями используемый в экспертной практике, укоренил в общественном сознании ошибочное понимание того, что за оскорбление к юридической ответственности (а именно казахстанцев – к уголовной ответственности, россиян – к административной) можно привлечь за употребление в отношении лица любого негативно-оценочного слова (высказывания), независимо от его нормативности/ненормативности, стилевой принадлежности, речевой ситуации и контекста.

Данная критическая оценка первой классификации инвективной лексики поддерживается многими лингвистами, в том числе и Подкатилиной М.Л.: «По нашему мнению, представленная классификация лексических и фразеологических единиц, которые в определенных контекстах употребления могут носить в адресации к тому или иному лицу оскорбительный для лица характер, является чрезвычайно широкой. Используя приведенную классификацию, почти любые слова, выражающие отрицательную оценку лица, его качеств и поступков, можно отнести к оскорбительным» (8). В правовом аспекте при таком положении дел можно говорить о нарушении ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и ст. 20 Конституции Республики Казахстан, гарантирующими каждому право на свободу слова. Свобода слова толкуется как свобода выражения мнения, оценки. Оценка, позитивная или негативная, является неотъемлемым свойством человеческого сознания, способом восприятия и осмысления человеком мира, познавательного отношения человека к миру, проявляющимся в его ценностном отношении как субъекта к объектам окружающего мира. В лингвистике оценка понимается как выражение ценностного отношения познающего субъекта к какому-либо объекту посредством языка. Оценка является универсальной лингвистической категорией; вряд ли существует язык, в котором отсутствуют такие понятия, как хорошее, плохое и безразличное. И судебный запрет на использование, по сути, всех негативно-оценочных слов и выражений при оценке лица противоречит самой природе оценки как логической формы мышления, выражаемой в языке оценочными структурами.

Теперь мы подошли к одному из ключевых моментов нашего материала – к проблеме анализа и оценки спорных материалов по делам об оскорблении казахстанскими экспертами.

Указанный в «Понятиях чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и массовой информации» некорректный экспертный подход был заимствован казахстанским Центром судебной экспертизы и в 2002 г. был положен в основу экспертной методики, изданной под названием «Стандартная методика исследования объектов, содержащих признаки оскорбления чести, достоинства и деловой репутации личности. Пособие для экспертов» (Алматы, ЦСЭ МЮ РК, 2002), а также «Методики исследования объектов, содержащих признаки оскорбления чести, достоинства личности», 2007, внесенной в Государственный реестр методик судебно-экспертных исследований Республики Казахстан. Если в России за прошедшее десятилетие были созданы обоснованные и корректные методики (одна из них – частная методика Минюста РФ 2016 г., специально разработанная для решения экспертных задач по делам об оскорблении) [8], то казахстанская методика осталась прежней, без изменений, действующей до настоящего времени. Не вызывает возражений экспертный анализ инвективных номинаций лица, выраженных обценной (иначе – нецензурной) лексикой и фразеологией. Неверной же в заключениях казахстанских экспертов является трактовка наличия неприличной формы у высказываний, включающих негативно-оценочные номинации лица, выраженные литературной и разговорной лексикой и фразеологией. В преобладающем большинстве случаев весь экспертный анализ в этих заключениях сводится лишь к отнесению спорного слова к одному из восьми указанных выше разрядов литературной и разговорной лексики и последующему автоматическому, без исследования, выводу о его оскорбительности. В этих заключениях отсутствует описание какого-либо факта, по поводу которого выносится негативная оценка, игнорируются контекст и коммуникативная ситуация.

Как известно, судебная экспертиза является одним из доказательств по делу. Пункт 1 ст. 9 Закона РК «О судебно-экспертной деятельности» обязывает судебного эксперта принять все меры для всестороннего, полного и объективного исследования объектов, основанного на специальных научных знаниях. Согласно п. 3 ст. 8 этого закона, «судебный эксперт самостоятелен в выборе научно-технических средств, методов и методик исследования, допустимость кото-

рых определяется законом». В соответствии со ст. 10 данного Закона применение при производстве судебно-экспертных исследований научно-технических средств и методов допускается, если они:

- 1) прямо предусмотрены законом или не противоречат его нормам и принципам;
- 2) научно состоятельны;
- 3) обеспечивают эффективность производства по делу;
- 4) безопасны.

Поэтому эксперт при производстве экспертизы вправе использовать научные работы, пособия для экспертов, в том числе и методические рекомендации. Казалось бы, данные положения профильного закона дают эксперту практически неограниченные возможности по применению любых методов исследования, однако в силу п. 2 ст. 43 данного закона сведения о методиках судебно-экспертных исследований, отвечающих требованиям настоящего закона, вносятся в Государственный реестр методик судебно-экспертных исследований Республики Казахстан (далее – Реестр).

Практически, несмотря на декларируемый принцип независимости эксперта в выборе экспертной методики, ст. 43 данного закона существенно ограничивает его свободу в этом вопросе. Любое использование методики, не вошедшей в Реестр, может послужить поводом для объявления заключения эксперта недопустимым доказательством ввиду его несоответствия требованиям ст. 43 Закона РК «О судебно-экспертной деятельности». Во избежание подобной ситуации эксперты отказываются от решения поставленной задачи, мотивируя эту дилемму отсутствием в Реестре соответствующей методики. При этом данное формальное основание для отказа от неотложного решения поставленной экспертной задачи не склоняет казахстанских экспертов-филологов к принятию каких-либо действий по созданию чрезвычайно необходимой экспертной методики. На сегодняшний день в анализируемой проблемной ситуации фактор включения спорной Методики-2007 в указанный Реестр исключает использование в экспертных исследованиях других методик, имеющих иное, объективное и корректное научное обоснование их применения.

Заключение

Если в судебно-экспертных исследованиях казахстанских экспертов-лингвистов по делам об оскорблении будет присутствовать указание на использование только лишь названных выше Методик 2002, 2007 гг., то можно констатировать научную необоснованность и, как следствие, недостоверность выводов таких экспертиз. Психолого-филологическая экспертиза, использующая ошибочные исследовательские подходы, приводит к негативным последствиям, поскольку суды не получают ответы на вопросы, имеющие большое значение для рассмотрения дел. Вывод тут может быть только один – необходима скорейшая разработка соответствующей методики для решения экспертных задач по делам об оскорблении.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Матвеева О.Н. Юрислингвистическое экспертное исследование: перспективы и пути совершенствования // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: материалы межрегионального научно-практического семинара. – Москва, 7–8 декабря 2002.
- 2 Галяшина Е.И. Современное состояние и актуальные проблемы судебной лингвистической экспертизы в России и за рубежом // Российское право в Интернете. – 2008. – № 3.
- 3 Понятия чести, достоинства и деловой репутации: спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. – М.: Медя, 2004.
- 4 Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза: учебник. – М.: Проспект, 2021.
- 5 Матвеева О.Н. Оскорбление – унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме. URL: <http://lingva-expert.ru/publication/oskorblenie-unizhenie-chesti-v-neprilichnoy-forme/>

6 Стернин И.А. Неприличная форма высказывания в лингвокриминалистическом анализе текста // Юрислингвистика-11: Право как дискурс, текст и слово: межвузовский сборник научных трудов. – Кемерово, 2011. – С. 387–398.

7 Подкатилина М.Л. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении // Экономические и юридические науки. – 2016. – № 3–2. – С. 389–394.

8 Изотова Т.М., Кузнецов В.О., Плотникова А.М. Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении. – М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2016.

REFERENCES

1 Matveeva O.N. (2002) Jurislingvisticheskoe jekspertnoe issledovanie: perspektivy i puti sovershenstvovaniya // Teoriya i praktika lingvisticheskogo analiza tekstov SMI v sudebnyh jekspertizah i informacionnyh sporah: materialy mezhregional'nogo nauchno-prakticheskogo seminar. Moskva. (In Russian).

2 Galjashina E.I. (2008) Sovremennoe sostojanie i aktual'nye problemy sudebnoj lingvisticheskoy jekspertizy v Rossii i za rubezhom // Rossijskoe pravo v Internetе. No. 3. (In Russian).

3 Ponjatija chesti, dostoinstva i delovoj reputacii: spornye teksty SMI i problemy ih analiza i ocenki juristami i lingvistami / pod red. A.K. Simonova i M.V. Gorbanevskogo. M.: Medeja, 2004. (In Russian).

4 Galjashina E.I. (2021) Sudebnaja lingvisticheskaja jekspertiza: uchebnik. M.: Prospekt. (In Russian).

5 Matveeva O.N. Oskorblenie – unizhenie chesti i dostoinstva, vyrazhennoe v neprilichnoj forme. URL: <http://lingva-expert.ru/publication/oskorblenie-unizhenie-chesti-v-neprilichnoj-forme/>. (In Russian).

6 Sternin I.A. (2011) Neprilichnaja forma vyskazyvaniya v lingvokriminalisticheskom analize teksta // Jurislingvistika-11: Pravo kak diskurs, tekst i slovo: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Kemerovo. P. 387–398. (In Russian).

7 Podkatilina M.L. (2016) Sudebnaja lingvisticheskaja jekspertiza po delam ob oskorblenii // Jekonomicheskie i juridicheskie nauki. No. 3–2. P. 389–394. (In Russian).

8 Izotova T.M., Kuznecov V.O., Plotnikova A.M. (2016) Metodika provedeniya sudebnoj lingvisticheskoy jekspertizy po delam ob oskorblenii. M.: FBU RFCSJe pri Minjuste Rossii. (In Russian).

ҚАРЫМСАҚОВА Р.Д.,*¹

ф.ғ.к, қауымдастырылған профессор.

*e-mail: rakhilya.11@mail.ru

ORCID ID: 0009-0000-9591-7529

¹«Тұран» университеті,

Алматы қ., Қазақстан

ҚОРЛАУ– ҚАЗІРГІ ЛИНГВИСТИКАЛЫҚ САРАПТАМА ТӘЖІРИБЕСІНІҢ БАС МӘСЕЛЕСІ

Андатпа

Мақала лингвистикалық сараптаманың қорлауды тілдік құқық бұзушылық ретінде сарапшылық бағалау сияқты өзекті мәселесін қарастыруға бағытталады. Бұл, ең алдымен, сарапшылық тәжірибеде сараптамалық мәселелерді шешудегі әдістемелік тәсілдердің біркелкі болмауына байланысты туындайды. Мақалада осы жағдайдың себептері аталып, 90-жылдардың соңы – 2000-жылдардың басындағы лингвистикалық сараптаманың концептуалды-терминологиялық аппаратының, тіл мамандары арасында қабылданған бірыңғай терминологиясының жоқтығы, лингвистер арасында сараптама жүргізудің біркелкі принциптерінің, әдістері мен әдіснамасының болмауы сияқты және т.б.мәселелері атап көрсетілді. Зерттеу сөйлеу әрекетінің әдепсіздігін әрекет ретінде бағалаудың проблемалық сипатын ашады, бұл ретте адамдардың қорлаудың кең (тұрмыстық) және тар (құқықтық) ұғымдарының арасындағы айырмашылықты бір-бірінен ажырата алмауы сияқты маңызды факторы ескерілмейді. Осыжағдайды елемей және де қате зерттеу тәсілдерін қолдану сараптама тәжірибесіне, сондай-ақ сот тәжірибесіне қарама-қайшы, сайып келгенде, негізсіз және әділетсіз үкім шығуына алып келеді. Аталған жағдайларды негізге ала отырып, қорлау ісі бойынша сараптамалық мәселелерді шешудің тиісті әдістемесін жедел әзірлеу қажеттігі айтылады.

Тірек сөздер: сот-лингвистикалық сараптама, қорлау, кемсіту, тілдік құқықбұзушылық, әдепсіз сөйлеу формасы.

KARYMSAKOVA R.D.,*¹

c.ph.s., associate professor.

*e-mail: rakhilya.11@mail.ru

ORCID ID: 0009-0000-9591-7529

¹Turan University,

Almaty, Kazakhstan

INSULT AS A CHALLENGE OF MODERN LINGUISTIC EXPERT PRACTICE

Abstract

The manuscript examines such an urgent issue in linguistics expertise of evaluating insults as a speech violation, primarily due to the lack of uniform methodological approaches in expert practice. The article identifies reasons for this state of affairs, pointing out problems from the late 90s to the early 2000s, such as the absence of a conceptual and terminological framework in linguistics expertise, unified terminology accepted among linguists, and the lack of unified principles, methods, and techniques for conducting expertise. The study reveals the problematic nature of assessing the indecency of a speech act as an act, which does not take into account such an important factor as people's non-discrimination between the broad (ordinary) and narrow (legal) concepts of insult. Ignoring this phenomenon and using erroneous research approaches lead to contradictory expert and judicial practice and, as a result, to unjustified and unfair sentences. Based on this problem, it is said that it is necessary to develop an appropriate methodology as soon as possible to solve expert problems in cases of insult.

Key words: forensic linguistic expertise, an insult, humiliation, speech offense, indecent form of expression.